

Похлёбкин Вильям Васильевич
ЧАЙ И ВОДКА В ИСТОРИИ РОССИИ

Напитки играют немалую роль в истории и культурных традициях любого народа. Это связано с тем, что с самых ранних шагов своего развития ни один народ, ни одно человеческое общество, ни один человек не могут обойтись без того или иного напитка, даже в течение одних суток, не говоря уже о более длительных сроках.

В истории многих стран и народов, в том числе и в России, известны периоды голода, порождавшие чудовищные последствия, вызывавшие страшное одичание людей, вплоть до поедания нечистот и трупов. Но эти периоды проходили, и всё быстро восстанавливалось: и народ, подвергшийся голоду, и государство. А физические и моральные потрясения, вызванные голодом, не оставляли таких заметных следов и «рубцов», какие оставались у человечества от войн.

Почему? Историки объясняли это обычно тем, что память людей, особенно память простых, неграмотных масс, – коротка. Но это не так. Ведь на многие исторические явления именно народная память оказывалась очень крепкой – навоенные подвиги, на национальные или крестьянские восстания...

Дело здесь в другом. Как известно, даже в самые голоднейшие периоды истории Европы у людей наших широт всегда в избытке оставались вода, питьё. Без питья люди вымерли бы в голодные годы весьма быстро, и никакого «восстановления» не произошло бы. Так, в странах Среднего Востока и Африки, когда периоды уничтожения пищи (посевов) саранчой совпадали с накатывающимися за ними засухами (реки уходили в песок или пересыхали вовсе), полностью вымирали целые народы и исчезали государства. В ранние исторические эпохи подобные катастрофы случались не так уж редко.

Вот почему решающее значение воды в обеспечении своего существования было осознано человеком, как только он стал мало-мальски мыслить. Отсюда и возникло у первобытного человека глубочайшее почитание воды и водных источников. На берегу водоёмов, у самой кромки воды, создавались различного рода святилища (одно из них – Бесов Нос – сохранилось до сих пор на Онежском озере). В античном мире и в древних цивилизациях Востока, в Египте, Ассирии, Вавилоне, Древнем Китае и Древней Индии это почитание приобрело статус общенародного, мифологического поклонения и обожествления.

Люди считали, что водные источники, как великие реки вроде Нила и Ганга, так и крошечные ручьи, и даже ключи и образованные ими пруды, находятся под

защитой и покровительством особых божеств. Древние греки населяли в своём воображении реки, родники, озера волшебными, красивыми существами – наядами, нимфами, русалками, устраивали на берегах водоёмов священные гроты, роши, капища, храмы, где приносили жертвы водяным богам, воспевали, славословили и молились им, благодарили за то, что они послали людям на землю воду, влагу, питьё, без которых немислима сама жизнь.

Вполне естественно, что в ходе развития этих культов у разных народов и возникли различные культовые напитки, ибо в жертву богам воды и вообще божествам живительной влаги, жидкости люди старались принести, разумеется, не одну воду, которой у божества было хоть отбавляй, а кое-что повкуснее и поценнее, причём именно такую жидкость, которая являлась бы результатом изобретения самого человека, результатом собственного человеческого умения и производства, итогом переработки человеком природных субстратов жидкого вида – воды, молока, растительных соков – в какие-нибудь иные жидкости с совершенно новыми свойствами. Люди старались показать божеству, что они, так сказать, его достойные ученики и приверженцы. Конечно, занимались этими изобретениями в первую очередь жрецы, охранители святилищ, профессиональные посредники между богом и людьми. Именно так возникли культовые напитки на заре человеческой истории. Позднее они были перенесены и на другие стороны отправления религиозного культа, приурочены и посвящены и другим (а не только водяным) божествам. Они, эти напитки, стали употребляться во все торжественные и значительные моменты в жизни человека. Особенно во время похорон, при так называемых тризнах, т.е. пирах, посвящённых проводам в загробный мир. И это тоже было далеко не случайно. По верованиям большинства, если не всех языческих народов, загробный мир находился не на небе, а под землей, и, для того чтобы попасть туда, надо было переплыть реку, охраняемую подземным речным божеством. Его надлежало хорошенько задобрить, подкупить, а лучше – усыпить его бдительность, и потому для этого особенно годились всякие одурманивающие сознание, охмеляющие напитки. Так человек «вышел» на алкоголь или ему подобные биохимические соединения, так именно привычка обязательно напиваться на похоронах дожила с времён первобытного общества до нашего просвещёнейшего, компьютерного века.

Все народные, древние культовые напитки были связаны по своему происхождению обязательно с природными условиями обитания того или иного конкретного народа, с его первоначальной основной хозяйственной деятельностью. Иначе и быть не могло. Люди пользовались тем, что было им близко, доступно, не

требовало особых забот и затрат, имелось всегда в избытке в самой природе и могло быть произведено в массовых количествах тут же, на месте, рядом с их домом.

Так, на Востоке, в Средиземноморье, где был широко распространён дикий, а затем окультуренный и возделываемый человеком виноград, культовым напитком народов стало виноградное вино, его различные виды. В тропиках культовым напитком обитающих там народов стало пальмовое вино, а в более умеренных широтах – ягодное, а вернее – заброженный сок ягод.

Ещё севернее, в средней полосе, на Руси, в восточнославянском мире, где в древности на гигантских просторах шумели леса, основным сырьём для культовых напитков славянских и угро-финских народов этого региона стали естественные продукты лесов: берёзовый сок, ягодные соки (брусничный, малиновый, клюквенный, морошковый, черничный) и чрезвычайно ароматный мёд лесных диких пчёл.

Первоначально основным сырьём для получения культового напитка древних русичей, а ещё ранее – скифов был берёзовый сок, из которого забраживали хмельную березовицу. Получение берёзового сока было предельно лёгким, не требовало ни труда, ни забот и сразу давало огромные массы жидкости. Его недостатком было лишь то, что это был специфически сезонный продукт – его можно было получить только ранней весной, приходилось заготавливать огромные количества сока, которые не всегда было возможно сохранить до конца года, до нового берёзового сока, ибо он легко прокисал, да и требовал для хранения гигантских емкостей, которых в то время просто не было. Со временем спустя века выявился и другой недостаток, связанный с массовым потреблением берёзового сока: оказалось, что порой люди изводили на сок целые берёзовые массивы, губили большие леса.

Более привлекательным, приятным и манящим напитком стал со временем питный мёд. Его приготавливали из смеси ягодных соков, доведённых до состояния морса, с мёдом диких пчёл, а затем подвергали многолетней выдержке. Питный мёд вытеснил березовицу хмельную, как культовый напиток русских и финно-угорских язычников, но также долго не удержался на этой позиции в связи с принятием христианства на Руси и переходом русской православной церкви на культовый напиток Византии – греческое ароматное красное вино мальвазию, а затем, с XVIII века, на кагор, поскольку именно эти красные вина можно было отождествлять с так называемой «кровью Христовой».

Особенно были довольны такой переменой в использовании культовых напитков тогдашние правящие круги Киевской Руси – дружинники князя, его постоянные и временные воины, боярская верхушка и немногочисленное в то время,

но уже влиятельное «управительство», т.е. государственный, чиновничий аппарат – тиуны, сборщики налогов, державцы в городской администрации и, конечно, тогдашнее купечество – «гости». Их радость по поводу изъятия мёда из разряда культовых напитков объяснялась тем, что мёд изымался из ведения языческих волхвов и им бесконтрольно смогли распоряжаться светские власти. Так мёд уже с начала XII века превратился в напиток преимущественно богатых и привилегированных людей, в напиток военных, который был предназначен не только для праздничного, но и для повседневного неограниченного употребления, если для этого у соответствующих лиц имелись материальные или властные возможности. Для купечества мёд стал с этих пор одним из главных источников дохода: почти весь мёд, скупаемый «гостями» как в природном, так и в питном варианте, шёл начиная с XII века на продажу в заморские страны, в Западную Европу.

Это была первая значительная «революция» в древнерусском обществе: во-первых, она потрясла умы народа с идеологической точки зрения – бывший священный, культовый напиток становился формально общедоступным несвященным, причём сосредоточивался в основном у богатой и властной части населения, т.е. приобретал черты классового напитка.

С другой стороны, этот напиток становился рычагом для внедрения и развития денежных отношений в дотолее абсолютно натуральном хозяйстве страны. Дело в том, что княжеская власть, учитывая то обстоятельство, что мёд стал преимущественно экспортным товаром и за него можно стало получать за границей деньги и покупать на них сукно, шелк, парчу, заморское оружие, посуду, вина, стала взимать дань и оброк со своих подданных в деньгах (гривнах, кунах, денежках), но за неимением денег у крестьянства одновременно разрешила замену выплат различных налогов мёдом, довольно хитро установив при этом весьма выгодный для себя «обменный курс», по которому выходило, что, уплачивая налог не деньгами, а мёдом, натурой, смерд более чем вдвое терял на этой «операции». Но иного варианта у смердов в то время не существовало.

Так на Руси возник впервые вместо культового напитка, предполагавшего, что пьянство есть редкое и исключительное состояние, связанное с особыми событиями в календаре, которые следует запомнить, другого рода напиток, который предполагал, что ничего святого на свете нет, что ты можешь быть пьян хоть каждый божий день, если только у тебя большая мошна и ты независим лично.

Иными словами, уже в начале XII века пьянство и разложение общества по социальному признаку оказались завязанными в один узел, и в умах простых людей

сдвиг в ухудшении их социального положения стал отождествляться с одновременно появившейся возможностью беспрепятственного пьянства, что как-то никак, а смягчало горечь от социальных невзгод, в то время как прежде этот процесс могли контролировать и регулировать только волхвы – верховные распорядители над хранилищами питного мёда, который, как культовый, священный напиток, был, конечно, бесплатным для всех, от князя до последнего смерда, и даже раба, но только во времена больших праздников в честь Перуна, Стрибога, Волоса и Дажбога.

Однако потеряв сразу, внезапно, чуть ли не в один день, статус почитаемого, священного культового напитка, мёд не превратился, как рассчитывала тогдашняя знать, в исключительный источник её дохода и в классовый, придворный, привилегированный напиток войска, богачей и властей разных уровней. Он превратился в национальный напиток и занимал это положение в течение четырех веков.

Дело в том, что уже в эту раннюю эпоху со всей силой обнаруживались те постоянно действующие факторы русской истории, которые практически сохраняли своё влияние на исторический процесс в России вплоть до XX века и без учёта которых любые мероприятия властей в России либо обрекаются на провал, либо постепенно трансформируются так, что их значение меняется.

Этими факторами были: обширность территории государства и редкое относительно этих пространств, хотя и значительное по численности, население. Отсюда, как прямое следствие, появлялись ещё два решающих фактора: слабость государственного контроля за событиями в стране, возможность проявления реальной власти князя во всей его силе только в столице, возможность и склонность периферийных районов страны либо не выполнять решения столичных властей, либо затягивать и видоизменять, нередко до неузнаваемости, выполнение этих решений.

Заставив киевлян креститься насильно («еще не обрящется кто заутра на реце, богат ли, убог ли, нищ или работник, – противен мне да будет»), «заганивая аки стада» киевлян в реку, князь Владимир осуществил акт крещения в Киеве и разжалование старых богов и культовых напитков в течение нескольких часов, не обращая никакого внимания на то, что народ «бяху безумнии, видяще богов древних сокрушение и погибель, плакаху по ним и рыдаху», и, казалось, в столице вышел победителем этой первой русской феодальной «социально-идеологической» революции X века. Но на широких пространствах страны, уже тогда простиравшейся от Западной Двины до Урала на севере и до Волги на востоке, победа христианства затянулась где на одно, а где и на полтора столетия. И поскольку русский народ привык всегда после кратковременных

вспышек восстания сопротивляться глухо, упрямо и пассивно, то удобной формой сопротивления новой религии и поддержки волхвов, пытавшихся отстоять дофеодалные, патриархальные социальные отношения, стал саботаж населения лесных районов в поставках мёда киевскому княжескому двору и, ещё более того – бесконтрольное изготовление питного мёда для своих личных, домашних нужд, как путём тайного содержания бортей, так и прямого грабежа в княжеских бортных ухажаях.

Памятником этой борьбы остались дошедшие до наших дней княжеские постановления и законы, карающие за тайное уничтожение бортных колод и деревьев («а кто дерево зрубит со пчолами, заплатит гривну, чьи пчолы и другую гривну – судьям; а кто бортное дерево зрубит без пчол – то полгривны да полгривны – судьям»), а также неписанный, но всенародно осуществленный памятник – превращение явочным порядком бывшего культового языческого напитка мёда в общенациональный напиток русских и финно-угорских народов на пространствах Северо-Восточной Руси, которая становилась всё более и более независимой от Киева и где уже к середине XII века изготовление мёда бесконтрольно для собственных нужд было признано местными князьями привилегией всего свободного населения.

Питный мёд продержался, как единственный и неоспоримый лидер в ряду русских национальных напитков, практически доступный (хотя и в разной степени) всем сословиям Северо-Восточной Руси вплоть до конца XV века. Но уже с начала XVI века вначале ставленный мёд, а затем и более дешёвый и быстрее изготавливаемый варёный мёд всё более и более превращается в напиток исключительно зажиточных, богатых людей, в напиток бояр и дворян и в праздничный напиток для остальных слоёв русского народа. На протяжении XVI века этот процесс постепенной утраты мёдом статуса общенационального напитка во Владимирской Руси и, особенно, в Московском Великом княжестве неуклонно возрастал в связи с резким подорожанием мёда на внутреннем рынке из-за его подорожания в Западной Европе, куда и устремился весь русский экспорт этого товара. Приостановка экспорта русского питного мёда во время 25-летней Ливонской войны 1558-1582 годов не только не изменила положения с дефицитом этого «товара», но и ещё более ухудшила его, ибо все государственные резервы и запасы были истощены в эту четверть века на нужды огромной армии, а также ввиду частых перемирий и неясности линии фронта в Прибалтике. Мёд впервые стал предметом широкой контрабандной торговли между оппозиционными к Москве Псковом, Новгородом и Прибалтикой, где в это время имели свои территории несколько европейских государств (Тевтонский и Ливонский

Орден, Литва, Польша, Курляндия, Дания, ганзейские города Рига и Ревель, а также тогдашняя великая держава – Швеция). Именно во все эти «дыры» устремлялись и мёд, и воск, и другие ценные русские «стратегические» товары – пенька и дёготь, холст, крайне необходимые для военного флота.

При этом питный мёд в условиях войны и постоянного присутствия в этом регионе больших масс вооружённых сил различных государств был наиболее удобным для сбыта и для быстрого потребления товаром, ни в какое сравнение не идущим по неудобности, громоздкости и малым прибылям с нужной, но дешёвой смолой или дёгтем.

Вот почему XVI век ускорил намного хищническое истощение медовых запасов России и их выгодную для купцов и отдельных городских властей контрабандную и явную переправку на Запад. И вот почему после Смутного времени (1605- 1618 гг.) и наступившего в результате его разорения страны мёд уже никогда более не превратился в национальный напиток, а стал исчезать вообще из поля зрения: в середине XVII века это был уже только царский, боярский, придворный напиток, а к концу XVII века он был окончательно сведён на нет: его производство прекратилось, ибо стало в условиях того времени крайне нерентабельным и дорогостоящим.

Всё это объяснялось резким сокращением запасов природного мёда и одновременно полной неразвитостью домашнего пчеловодства, интенсивной вырубкой лесов в Центральной России, развитием пашенного хозяйства, отвлекавшего до 90 и более процентов рабочей силы, ростом армии и, следовательно, ростом потребления мёда, как напитка, армейскими кругами, и, наконец, далеко не в последнюю очередь, повышенным спросом и интересом к русскому мёду в Западной Европе и усилением вывоза мёда из России, как в сыром, так и в приготовленном виде за границу. Войны, в которых прошёл для России весь XVI и XVII век, сами по себе способствовали сокращению медовых ресурсов страны: за 200-250 лет стало намного меньше «тихих лесов», где плодились и десятилетиями накапливали запасы мёда дикие пчелы. Россия истощалась, но народ и правительства этого не замечали. Они искали выход из трудностей в замене старых напитков новыми, в создании, в изобретении новых, более дешёвых и более сильно действующих сногшибательных напитков. Был ли это действительно «выход», а не путь в тупик, определила уже в наши дни наша история.

Прежде чем перейти к тому, что же пришло на смену мёду, как сильному алкогольному национальному напитку, вернёмся немного назад и вспомним, что помимо алкогольных, охмеляющих и превращённых в культовые напитки у русского народа были с древних времён и безалкогольные напитки. Какова же была их судьба?

Ещё в IX веке на Руси наряду с мёдом стал входить в широкий быт более дешёвый и, главное, более быстро приготавливаемый напиток – квас, вернее, хлебный квас.

Для современного читателя, который практически настоящего русского кваса уже давно не знает, важно понять, что в Древней Руси квас был не только повседневным напитком, утоляющим жажду, но, главное, он служил той общепринятой пищевой жидкостью, на базе которой приготавливалась вся пища тогдашнего населения.

А это означало, что квас повсеместно и непременно присутствовал в каждом доме, обычно в количестве не менее 200- 250 литров, а фактически и больше, и приготавливался сразу «порциями» не менее 500-1000 литров. При тогдашних больших семьях, где было или могло быть до 25-35 человек, ибо вместе жили одной семьей сразу три поколения, такие объёмы домашнего кваса были «минимальными», обеспечивающими лишь рутинное, бесперебойное приготовление пищи на каждый день. Ведь на квасу или при помощи, при «участии» кваса готовили практически всю тогдашнюю холодную и горячую пищу, а при отсутствии пищи питались хлебным квасом, сдобренным разными травами: мятой, чебрецом, липовым цветом, душицей, смородиновым листом и т. п. Так, квас, как напиток, помогал и при голоде, и при полуголодном существовании: ведь это был как-никак «жидкий хлеб», исключительно богатый витаминами и ферментами. Вплоть до XVIII-XIX веков люди простые, привыкшие в деревнях потреблять домашний квас, выпивали только в качестве напитка до 5 литров кваса в сутки. Но, кроме того, квас употреблялся и как компонент различных холодных и горячих блюд.

Так, на квасу готовили окрошки, тюри, ботвиньи, свекольники, т.е. все виды существовавших русских холодных супов. На квасу делались и закуски – тёртая редька с хреном и квасом, а также приготавливались все главнейшие виды русских горячих супов – щи любого вида, борщи и борщики, а в южнорусских и юго-западных районах России ещё и заимствованные от соседних народов чорбы, овощные супы с домашней птицей на квасу.

Большинство вторых блюд старой русской кухни также не могли обойтись без применения кваса. Пареные корнеплоды – репа, редька, морковь, называемые паренками, приобретали свой особый вкус, только когда их отваривали или парили не в воде, а в квасу на соломе. Мясо, особенно не говяжье, а всякое, имевшее специфический природный запах – свиное, баранье, заячье, медвежье и барсучье, – непременно отваривали или запекали в квасу, что делало его мягким, «рассыпчатым» и

создавало особый «русский вкус», не сравнимый ни с каким иным на свете.

Большинство сладких блюд древнерусской кухни также приготавливалось при помощи кваса. Все они были лишь комбинациями из кваса, мёда и ягод с добавлением небольших количеств муки. Таковы знаменитые русские кулаги, которые медленно парили на квасу от суток до двух и более.

А уж запивать за столом солёное, жирное и мучное в русском народе было принято только квасом, по крайней мере, в будние дни, и до тех пор, пока не появилась водка. Мёд для этих целей не годился, не та была у него вкусовая гамма. Вот почему мёд был алкогольным напитком, так сказать, в чистом виде, или алкоголем ради алкоголя. И его пили после основного застолья, в заключение пиров, так сказать, на десерт, или, наоборот, как аперитив, до застолья, для возбуждения аппетита. Запивать же мёдом солёную рыбу, а тем более селёдку, никому и в голову не приходило. Вот почему до XVII века существовало чёткое деление напитков: квас был национальным столовым напитком, а мёд – национальным торжественно-праздничным напитком, употребляемым вне или изолированно от собственно приёма пищи, а либо до или после неё.

Это правило, объяснимое самой вкусовой сутью мёда и внедрившееся в русские обычаи и русское сознание на протяжении половины тысячелетия, затем сыграло с русским народом довольно злую шутку... когда мёд исчез из русского национального обихода и на место его пришёл иной алкогольный напиток – водка. Довольно длительное время её тоже употребляли по аналогии с мёдом «голою», без еды.

Квас, будучи весьма распространённым в быту и весьма не стойким для хранения напитком, естественно, побуждал русского человека не только искать пути для усовершенствования путём различных вариаций его состава и прибавления к нему различных ароматических добавок и приправ, что довело количество марок, сортов кваса уже к XV веку почти до 600, но и экспериментировать над созданием на базе кваса и квасоварения других видов напитков, стремясь вначале лишь к одному – к повышению стойкости сохранности квасной жидкости.

Сокращение запасов мёда в стране, несомненно, подталкивало и ускоряло проведение таких экспериментов, но в то же время они велись и задолго до обнаружения медового кризиса и приводили к появлению иногда сильно кислых видов кваса, пригодных лишь для технических целей, например для вымачивания кож и их дубления. Ясно, что русские монахи, в ведении которых, в основном, находилось всё оборудование для квасоварения, проделали на протяжении нескольких веков всевозможные пробы с квасным и дрожжевым материалом и развили в конце концов

широкое производство различных видов заброженного теста – от крутого теста с большим содержанием муки для изготовления просфор, на чём специализировались в основном приезжие, греческие, византийские монахи, до забраживания различных степеней жидкого и жидчайшего теста с минимальным содержанием муки, на чём специализировались, как правило, русские монахи, ученики греков, стремившиеся добиться с малыми затратами муки каких-то чудесных результатов.

Эти эксперименты были, как всегда, тесно связаны с местным сырьём, и поэтому в Центральной России, в Московском княжестве, они производились на основе ржаного зерна и ржаной муки, а в северо-восточной части Руси и на северозападной Новгородчине, с их более суровыми природными условиями, эти эксперименты проводились на базе ячменя или перловки.

В результате на территории к северо-востоку и северо-западу от Москвы развилось и укоренилось пивоварение, а в центре страны эксперименты с квасом привели в конце концов в середине XV века к возникновению винокурного производства и к появлению нового алкогольного напитка – ржаного, хлебного вина, которому суждено было со временем превратиться в национальный русский напиток и получить название «водка».

Как всё это произошло, почему именно и где конкретно, рассказывает книга «История водки», составляющая одну часть, одну половину предлагаемого читателю произведения. Другую же часть данной книги составляет написанная автором задолго до «Истории водки» брошюра «Чай. Его типы, свойства, употребление», которая в настоящем издании значительно пересмотрена, расширена в связи с тем, что в чайном деле, в роли чая в нашей стране и в месте самой России на чайном мировом рынке произошли начиная с 1991 года огромные изменения.

Чай появился в России спустя 200 лет после того, как в стране была изобретена водка, приобретая за два столетия безраздельное положение основного, главного и неперемного русского алкогольного напитка. В качестве же национального безалкогольного напитка к моменту появления чая в России уже более восьми веков существовал квас, с которым безуспешно боролся за первенство горячий московский безалкогольный напиток – сбитень, распространённый с середины XIV века, то есть тоже без малого триста лет, но остававшийся всё же московским, городским напитком народа и не проникавшим в деревню.

Таким образом, условия для популярности чая при его появлении были крайне неблагоприятны: и рынок, и симпатии народа, и привычки, навыки, а также традиции – всё это было в пользу водки и кваса, являвшихся не только сильными конкурентами

чая, но и изделиями укоренившимися, прочно занявшими своё место в истории, культуре и традициях русского народа. Для чего-либо другого, а особенно для такого чужака, как чай, места, казалось, больше не оставалось.

Да, чай, в противоположность и квасу, и водке, был не русский, не отечественный по своему сырью и по месту производства, а заморский, чужой и чуждый, неизвестный напиток, причём напиток до такой степени редкий и дорогой на первых порах, что о возможностях его состязаний с квасом или водкой просто-напросто не могло быть и речи.

Ведь с самого начала чай ясно заявил о себе, что он, как напиток, – элитарен и аристократичен, ибо он требовал не только затрат, но и специальных знаний для своего приготовления, а кроме того, нуждался, как это быстро выяснилось, в особом «прикладе» – наличии чего-то сладкого (мёда, сахара), пряников или иных кондитерских изделий, чтобы быть «воспринятым» как следует, чтобы доставить удовольствие, а без «приклада» чай оставался пустой водичкой для большинства потребителей.

Если водка или квас к тому же не требовали практически никаких особых приготовлений и условий для своего распития, ибо их можно было распить просто в подворотне, то чай, даже самый бедный, всё равно нуждался в особом месте: для него необходим был не только стол, лавки, стулья, комната, но и особое и недешёвое чайное оборудование. Учитывая обстановку XVII века, когда чай, доставляемый из Китая и проделывавший путь в 9-10 тысяч километров на яках, верблюдах, лошадях, достигал наконец Москвы, скажем, через год-полтора после своей отправки и тем самым невольно превращался не просто в дорогой, а в весьма дорогостоящий товар, доступный как повседневный напиток лишь за царским и боярским столом, трудно было предположить, что этот неброский «водяной напиток» когда-нибудь «завоюет» Россию, учитывая и русский консерватизм в традициях, и русские склонности к тому, чтобы было поменьше забот, и русскую лень и неприязнательность к быту, а тем более – скромный, нищенский материальный достаток большинства русского простого народа, для которого раскошелиться не только на сам чай, а ещё и на самовар, заварочный фарфоровый чайник, чашки, блюдца, ложечки, а также на трубу и угли представляло подчас неразрешимую проблему. Ведь кроме углей и воды все остальные элементы чайного приклада не производились первоначально в России и должны были доставляться из-за границы.

Превратиться в национальный, в массовый напиток, обладая подобными «стартовыми условиями», было поистине невозможно, представлялось невероятным и фантастическим.

Но вот чудо – чай, несмотря на все препятствия материального, бытового, психологического и культурного характера на его пути к распространению в народе, сумел всё-таки превратиться в подлинно русский, народный, национальный напиток, притом такой, отсутствие которого стало просто невыносимо в русском обществе, а внезапное исчезновение которого из быта, скажем, в конце XIX века могло привести, без всякого преувеличения, к национальной катастрофе.

Касаясь такого гипотетического случая, М.Е. Салтыков-Щедрин в 70-х годах XIX века писал: «Чай! «Пустой напиток»! А не дай нам его китайцы – бо-о-льшая суматоха могла бы выйти!» Вот почему Россия в своей внешней политике по отношению к Китаю делала всё возможное в 40-80-е годы XIX века, чтобы сохранить с этой великой страной добрые, уважительные отношения, и не пошла в тот период на поводу западных держав, стремившихся всячески оказать давление на Китай, использовать его техническую отсталость, чтобы подорвать его изоляцию и независимость от Европы.

Так чай ещё раз сыграл благородную роль в русской истории, содействуя установлению прочного мира на нашей самой обширной восточной границе, и утвердил за Россией молву миролюбивой и незлобивой страны в умах и сердцах миллионов китайцев. Позднее такие представления о России не раз помогали нашей стране иметь в лице китайцев и Китая, как государства, и верных друзей, союзников, и признательных мирных соседей.

Уже к середине XIX века Россия занимала первое место в мире по объёму общего ввоза и потребления чая и второе место в мире (после Англии) по потреблению чая на душу населения. Все закупки чая на внешних рынках производились на 95% в Китае. Индийский и японский чай вместе составляли около 5% ввоза. Отказ от чая в то время в России был бы воспринят не только как трагедия русским населением страны, усмотревшим бы в этом лишение его любимейшего и необходимейшего в жизни напитка, но и произвёл бы катастрофический поворот во всей системе русской внешней и внутренней торговли, привёл бы к социально-экономическому кризису в стране.

Таким образом, чай, появившись в России в 30-х годах XVII века и начавший превращаться в народный напиток в Москве, уже спустя 50 лет после этого сделался к началу XIX века, т.е. за какие-нибудь полторы сотни лет, совершенно незыблемым,

обязательным, народным, повседневным и крайне необходимым трудовому люду напитком, воспринимаемым в массах как русский, национальный. Его преобладание и прямая победа над водкой очевидны, если мы вспомним, каким был старт чая в гонке за первое место в национальном меню.

Чай был завезен в Россию в период самого чудовищного, в буквальном смысле повального пьянства русского народа. Правительство Михаила Романова, пришедшее к власти после Смутного времени в разорённой, нищей, неустроенной стране и к тому же проигравшее новую войну с Польшей, чувствовало себя неуверенно, заискивало перед войском и перед церковью и вынуждено было как-то отвлекать народ, которому было просто не в состоянии предоставить сносную жизнь. Вот почему правительство Михаила Федоровича пошло фактически на полную отмену государственной водочной монополии, отдав производство водки в полную собственность недобросовестных целовальников, купцов и предоставив фактически свободу самогонщикам, поручив всецело надзор за ними самой низшей ступени полиции, которая сама вступала в сделку с самогонщиками и брала с них вместо налога взятки. Страдала государственная казна, страдал народ, но слабый царь терпел, боясь любого изменения сложившегося положения, чтобы не подорвать свои и без того шаткие позиции. Неудивительно, что народ в таких условиях попросту спивался.

Вот что писал о тогдашней обстановке прибывший в 1634 году в Россию немецкий путешественник и дипломат Олеарий: «Пьянство и праздность ведут к самому циничному разврату в стране. На пирах женщины напиваются до потери сознания, как и мужчины, и в таком состоянии валяются на пол спать вповалку вместе с мужчинами. Подобное же пьянство и разврат царят и в среде богомольцев, паломников. Однажды, – писал далее Олеарий, – на моих глазах из кабака вышел совершенно голый человек (пропивший свою одежду и обувь), сорвал на дороге пучок собачьей ромашки и, закрывая им свою наготу, весело, с песнями отправился домой как ни в чём не бывало».

Именно в этот период повального пьянства (термин этот, как видим, в нашем языке возник не случайно!) посол России в Монголии Василий Старков привез в 1638 году царю подарок – китайский чай, который был торжественно опробован за царским столом боярами и... как ни странно, сразу же понравился. А спустя 35 лет после этого события в Москве, в торговых рядах на Красной площади уже можно было купить китайский чай у сидельцев лавок каждому, кто имел достаточно денег. Постепенно привоз чая в Москву стал массовым и постоянным, и чай неуклонно в связи с расширявшимся спросом дешевел...

Удивительным было то, что как раз в Москве, а затем и во всей Великороссии, в Центральной России чай с каждым десятилетием завоевывал себе всё шире народное признание. А в XIX веке, когда в России была заведена статистика, выяснилось ещё и то, что чай систематически способен вытеснять водку и сокращать распространение пьянства, ибо наглядно было доказано, что там, где возникают народные дешёвые чайные, всё меньше и меньше чувствуется влияние кабака.

Не проник чай только на Украину и в Белоруссию – ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX веках. И поэтому уже в начале XIX века чай считался в народе именно национальным русским напитком.

Во всяком случае, простые русские люди, не ведавшие ничего о чае и его истории, а привыкшие, как и их деды и отцы, просто покупать его у купцов в лавчонках, простодушно считали чай «русским товаром», хотя и слыхали, что привезен он издалека, через Сибирь. Конечно, существовали социальные нюансы при потреблении чая в России: дворянство употребляло дорогие, высшие, редкие подчас даже в самом Китае сорта, приобретало и ароматизированные чаи английской обработки, ввозимые через Западную Европу. Купечество отличалось тем, что любило не только крепкие, «караванной доставки» чаи, но и поглощало большое количество чая в течение суток, хотя и не столь крутой заварки, как в дворянской среде. Что же касается простого люда, то он пил чаи погрубее и попроще, но всё-таки старался употреблять натуральные чаи, а не фальсифицированные, поддельные, которые были распространены в нищенской, люмпенской, бродяжнической среде. Недоброкачественный чай находил сбыт лишь там, где была случайная, непостоянная, быстро меняющаяся публика, – в трактирах, на постоянных дворах, в станционных буфетах, в рыночных чайных, в меблированных комнатах и тому подобных полуприличных «общественных местах».

Воспитанный столетиями на настоящем китайском натуральном чае ручного сбора и ручной обработки великоросс центральных губерний России обладал хорошим иммунитетом против фальсифицированного чая, который начал наводнять Российскую империю на рубеже XIX и XX веков, в период бурного развития капитализма в стране и роста городского пролетариата, когда из разорённой и голодной деревни в города хлынула масса чернорабочих людей, не имевших ни своего жилья в городе, ни сколь-нибудь определённой профессии, способной дать человеку мало-мальски приличный заработок. Но даже эти беднейшие слои русского молодого рабочего класса сравнительно быстро разобрались в отличиях настоящего чая от фальсифицированного, и последний, производимый в основном фирмой Высоцкого, не

получил распространения в Центральной России и сбывался главным образом на Украине, в Одессе, и отчасти в Петербургской губернии, но отнюдь не в чаепьющей Москве. В результате на Украине ещё более закрепилось отрицательное отношение к чаю, ибо там его не только не знали и не понимали в нём толк, но и, постоянно получая самые худшие, самые низкие сорта или даже подделки чая, так и не поняли, что значит настоящий чай.

И это обстоятельство ещё более закрепляло бытовое, этническо-психологическое различие между украинцами и русскими, отличало их по привычкам, склонностям, а не только по темпераменту и языку. На Украине поэтому принято было дразнить русских, особенно москвичей, водохлебами, что ясно обнаруживало полное непонимание украинцами самого смысла чаепития, самого существования потребления чая, как средства повышения жизненного тонуса, как важного жизненного напитка, а не просто воды.

Великоросская привычка к чаю была занесена русскими первопроходцами в Сибирь и нашла там массу приверженцев среди местного, а не только русского населения. При сибирских морозах, при тех стрессах, которые приходилось испытывать сибирякам в борьбе и с природой, и с погодой, и с другими жизненными невзгодами, нельзя было обойтись без чая. Поэтому чай распространился как любимый напиток сибиряков не только в Зауралье и Западной Сибири, но и в Восточной Сибири и в Забайкалье, в Даурских степях, ибо здесь давно имелась богатая почва для такого распространения: близость Китая, местные промежуточные чайные склады на великом сибирском чайном пути от Кяхты до Ирбита на Урале. Так чай, начав свой путь по России из Москвы, а точнее, из царских кремлёвских палат, дошёл в конце концов и до крайних восточных границ Российской империи, и его как обыденный, непереносимый и необходимейший продукт можно было в начале XX века встретить не только в любой великорусской крестьянской избе, но и в юртах якутов, в чумах ненцев или в землянках камчадалов.

Иными словами, чай к концу XIX – началу XX века стал главным безалкогольным напитком большинства не только русского, но и так называемого «иногородческого» населения России, равно как главным алкогольным напитком этого же населения стала водка.

В результате параллельного применения в течение 300- 350 лет водка и чай стали основными напитками в России. Характерно, что этот факт первыми отметили не сами русские, не жители самой России, а иностранцы, посещавшие Россию и

смотревшие на неё, так сказать, со стороны. Более того, те же иностранцы, путешествовавшие по России или изучавшие в качестве этнографов или языковедов её население, первыми заметили, что между водкой и чаем как бы существует некое скрытое соперничество и ведётся как бы скрытая борьба за распространение и «влияние» в народе.

Это же явление стала отмечать и сухая статистика, когда её завели с 30-40-х годов XIX века в России. Чем больше получал распространение в той или иной области чай, тем более сокращалось там потребление водки, и, наоборот, где господствовала водка, чай отступал на второй план. Заметив эту взаимосвязь, учёные и государственные деятели России в начале XX века, накануне революции 1917 года, даже задалась мыслью разработать специальный государственный план распространения и внедрения хорошего, дешёвого, общедоступного чая в народе как верного средства сознательной борьбы с пьянством. Эту идею проводили и поддерживали Д.И. Менделеев, Л.Н. Толстой, М. Горький и другие деятели русской науки и культуры. Однако осуществить подобный план в царской России было, конечно, невозможно.

После Октябрьской революции чай и водка в период гражданской войны оказались даже как бы на разных политических полюсах. На территории Советской России в Красной Армии изготовление и употребление алкогольных напитков, а особенно водки и самогона были строжайше запрещены. Спирт шёл только на строго медицинские цели. Зато армия и рабочие промышленных предприятий снабжались в обязательном порядке бесплатным чаем. С этой целью была создана особая организация – Центрочай, сконцентрировавшая в своих руках огромные складские запасы чая в России, созданные за счёт конфискации чайных складов фирм Губкина, Кузнецовых, Пономарёвых, Высоцкого, Грибушина, существовавших в Москве, Нижнем Новгороде, Уфе, Екатеринбурге, Ирбите, Перми, Кунгуре, Красноуфимске, Вятке, Бирске, Мензелинске, Челябинске, Казани.

Эти запасы были столь велики, что их должно было хватить для населения Европейской России по крайней мере на 5-7 лет. И поэтому Советская Россия оказалась практически хорошо обеспеченной чаем до 1923 года и не нуждалась за всё время гражданской войны в каких-либо внешних закупках этого продукта.

В то же время белые армии, действовавшие в основном в районах юга России, на Нижнем Дону, в Ставрополье, Крыму, на Кубани, где население никогда не употребляло чая и где были большие запасы зерна, а также в Сибири, где с хлебом обстояло вполне благополучно, получили право беспрепятственного и значительного употребления водки. Чай не имел даже в сибирских районах белого движения почти

никакого значения как напиток армии. Здесь оставались лишь незначительные чайные склады в Кяхте, Омске, Барнауле и отчасти во Владивостоке. И только в Иркутске чай имелся в достаточном для местного населения количестве, но поскольку весь он находился в частных руках, то ни о каком массовом или бесплатном снабжении чаем населения не могло быть и речи. Зато самогонварение велось беспрепятственно и даже поощрялось белыми правительствами, которые реквизировали в случае надобности этот самогон для снабжения армии. Поэтому период гражданской войны на юге и востоке России превратился в годы свободного распространения водки и широкого развития пьянства, процветавшего особенно в белых войсках, в то время как центральная и северная часть России, находившиеся под контролем Советской власти, переживали в 1917-1923 годах пуританский, аскетический и подчеркнуто «чайный» период.

С точки зрения укрепления дисциплины, мобилизации сил и духа, нацеленных на победу, чай, если смотреть спустя десятилетия глазами историка, сыграл, несомненно, положительную, стабилизирующую и мобилизующую роль, содействовал укреплению положения Советской России, сидевшей на голодном пайке.

Этот исторический урок был учтён и в последующие 20- 30-е годы, а затем и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. За всё это время бесперебойное снабжение страны дешёвым, общедоступным, натуральным чаем выдерживалось и продолжалось. Были предприняты гигантские усилия, чтобы сделать страну независимой от ввоза иностранного, заграничного чая. Началось беспрецедентное по масштабам развитие отечественного чаеводства в Грузии, Азербайджане, Краснодарском крае, и даже делались попытки завести чайные плантации в Казахстане и в Закарпатье.

Правда, добиться полностью независимого положения страны от чайного ввоза из-за границы не удалось: во-первых, потребности многомиллионного населения в чае были столь велики, что о какой-либо чайной автаркии не могло быть и речи. Грузия не в состоянии была покрыть весь спрос России в чае. Но существовала ещё и другая сторона этого же вопроса. Русский народ привык к хорошему, китайскому чаю, и, пока были живы старшие поколения, их не мог удовлетворить только исключительно грузинский чай, качество которого сильно уступало традиционным чаям – и китайскому, и индийскому. Вот почему от ввоза китайского чая наша страна не отказывалась вплоть до 1970 года. Он ввозился регулярно, а с 1949 до 1965 года ещё и в повышенных количествах, причём очень высокого качества. Только в брежневский период застоя ввоз китайского чая стал сокращаться, а затем и вовсе был прекращён, но на смену

китайскому пришёл иной, опять-таки заграничный, – индийский и цейлонский, который служил необходимым дополнением к грузинскому.

Так иная историческая ситуация, иная политическая эпоха в стране вновь нашла отражение в чайном снабжении народа.

Новые поколения стали привыкать к более резким, менее ароматным, но зато более «доходчивым», сильным по своему чайному вкусу чаям южноазиатского региона: индийскому, цейлонскому, индонезийскому. Само по себе это было ещё не столь плохо, ибо в известной степени расширяло «чайный кругозор» народа, знакомило его с новыми видами чайной мировой продукции. Плохо было лишь то, что это «знакомство» носило односторонний характер: оно не вело к сопоставлению разных чаев – китайского, японского и индийского, цейлонского, а резко сокращало, ограничивало диапазон знакомства одним направлением вкуса, ибо все южноазиатские чаи принадлежали к одинаковой вкусовой гамме. И вновь в чайной политике, как ни парадоксально, отразился характер эпохи – упрощенчество, ограниченность, узость выбора. А затем положение ещё более ухудшалось: в страну стали ввозить дешёвые, низкосортные африканские чаи – кенийский, угандийский и совершенно слабый – мадагаскарский, которые даже не называли по имени открыто, а потихоньку подмешивали к грузинскому для его «усиления». Эти новые купажи сильно отличались по качеству и другим органолептическим свойствам от того, что привыкли пить как чай старшие поколения советских людей. И вновь это было как бы символом ещё одного периода нашей политической, общественной истории, позднего брежневизма и «зари смутной перестройки», отражением путаницы и неразберихи в общественных идеалах, в экономическом курсе, в конкретных действиях, что странным образом почти соответствовало тем чайным купажам, которые стали появляться в первой половине 80-х годов: 55% грузинского и 25% мадагаскарского чая соединяли с 15% индийского и 5% цейлонского и выдавали за «1-й сорт индийского чая».

Было ли всё это чьей-то продуманной и нарочно производимой карикатурой на общественное развитие или просто-напросто было случайным и даже бездумным совпадением, над которым никто даже не размышлял, а просто технически поступал так, как диктовала обстановка, имевшиеся ресурсы и приказ какого-нибудь мелкого начальника, – этого мы, разумеется, никогда не узнаем. Но факт остаётся фактом: качество грузинского чая и качество ввозимого заграничного чая неуклонно ухудшались в стране, которая некогда была ведущей в мире по мировым закупкам чая на внешних рынках и третьей в мире по собственному производству отечественных чаев. И если это о чём-то говорило однозначно, то только об общем ухудшении

положения в стране, где чай был не просто одним из продуктов, а национальным символом и где существенное изменение в этой области было своего рода тревожным звонком, сообщающим о надвигающейся катастрофе для страны в целом.

Прежде всего явное ухудшение качества отечественного чая в период, непосредственно предшествующий перестройке (когда чай в народе стали называть не иначе как «трухой»), а затем не менее явный ввоз отвратительного по качеству, бракованного, не способного даже завариваться заграничного, импортного чая (вспомним, кто забыл, о «неразмокаемом» турецком чае!), привели к падению спроса на чай, к снижению употребления его в стране на душу населения, к пренебрежительному отношению к этому напитку, как к «крашеной водичке». А это означало, с другой стороны, что резко стал возрастать спрос на алкогольные напитки – пиво и водку. Их стало прямо-таки не хватать в стране, хотя прежде подобного «недостатка» никогда не отмечалось. Между тем винно-водочная промышленность работала бесперебойно, и даже с превышением выпуска продукции по сравнению с планом. И тут статистика нисколько не обманывала. Однако и в этом вопросе нехватка количества и усиление выпуска объёмов продукции были ещё не самыми главными и существенными признаками, которые должны были вызывать тревогу руководителей государства, а лишь внешними, видимыми на поверхности проявлениями возникавшей в обществе серьёзной проблемы.

Главное зло и суть водочной угрозы заключалась вовсе не в том, что люди стали больше пить, а в том, что, как в случае с чаем, неуклонно нарастало ухудшение качества алкогольных напитков, в том числе и главного национального алкогольного напитка России – водки.

Массовую водку, ту, производство которой приходилось расширять, чтобы удовлетворить растущий спрос, стали всё более и более приготавливать из дешёвого сырья – картофеля и свекловицы, вместо того чтобы, как настоящую, хорошую русскую водку, приготавливать из хлебного зерна – ржи, пшеницы, на худой конец – ячменя, овса.

Разница тут состояла в том, что в зависимости от сырья водка проявляла своё действие по-разному: зерновая – способна вызывать добродушную весёлость, делать глупым и сонливым, а свекольная – толкает на озлобление и вызывает агрессивность, причём независимо даже от количества выпитого. Разница, стало быть, существенная и прямо надо сказать – страшная.

Но какие выводы были сделаны из факта распространения пьянства в стране тогдашним руководством? Обращало ли оно внимание на суть проблемы? Пыталось ли

оно выяснить истинную причину катастрофических последствий пьянства для людей и хозяйства страны?

Да ничуть не бывало! Высший, полновластный в то время руководитель страны, каким являлся генсек, в силу имевшихся у него полномочий принял такое решение, которое мог бы принять только полностью безграмотный, совершенно ничего не соображающий, тупой и грубый, ограниченный человек: запретить водку, уничтожить заводы, вырубить виноградники, или иными словами – нанести ущерб в первую очередь хозяйству страны, её материальной базе, не имеющей никакого отношения к решению данной проблемы. В результате запрета водки, ликвидации виноградных плантаций и винно-водочных заводов началось нелегальное производство и употребление в стране вреднейших и ядовитейших суррогатов, ставших причиной смертей и инвалидности многих тысяч людей.

Вред, нанесенный этой стороной деятельности Горбачева, отнюдь не меньший, чем тот развал хозяйства и политической жизни огромной страны, который наступил в результате всех его безответственных «перестроечных» экспериментов. Впервые в истории России и русского народа смертельный удар был нанесён обоим национальным напиткам страны. Катастрофа и фактическая ликвидация водочного производства пошли на пользу прежде всего иностранным производителям, начавшим сразу после развала СССР бешеный ввоз в страну низкосортных алкогольных продуктов.

Начиная с весны 1992 года эта беда дополнилась полной катастрофой в области чайного производства. Страна была полностью вычеркнута из системы мирового хозяйства, как великая чаепроизводящая держава, третья в мире по объёмам производства чайного листа, и как экспортёр чая. Дело в том, что Грузия, дававшая до 95 % отечественного чая в СССР, сама его не потребляла и не могла производить без дотаций, надзора центральной власти и без такого рынка сбыта, каким был Советский Союз. Ныне чайное производство в Грузии погибло: оно абсолютно неконкурентоспособно на мировом рынке. Азербайджан, дававший 4% чайного производства в СССР, едва-едва покрывает этим ныне свои национальные потребности, ибо там население любит и ценит чай. Краснодарский край давал лишь 1% чайного производства в бывшем СССР и ныне, в новых условиях, вообще не способен выдержать давление чайного импорта, обрушившегося на Россию.

Этот импорт губителен для страны в двух отношениях: во-первых, он лишает её и без того скудных запасов валюты, ложится тяжёлым бременем на общегосударственную и личную экономику людей, во-вторых, будучи, как и вся

внешняя торговля, лишённым государственного контроля, чайный импорт 90-х годов привёл к наводнению страны поддельным, фальсифицированным или же испорченным, третьесортным заграничным, но дорогим для карманов потребителей, чаем. По сути дела, потребителю этого национального напитка нанесён двойной и даже тройной удар: он лишился надёжного снабжения отечественным чаем, он лишился натурального чая с проверенным, высоким или хотя бы средним качеством, и он должен вдвое и втрое, а иногда и впятеро переплачивать за плохой, вредный, фальсифицированный продукт.

Всё это неизбежно привело к сокращению потребления чая в России и к нарастанию тенденции к отказу от чая, как главного национального напитка, среди новых поколений России. Ведь чай предполагает налаженный быт, крепкую семью, известный уровень достатка и стабильности и в личной экономике, и в хозяйстве всей страны, а как раз всех этих предварительных условий в настоящее время просто не существует.

Что же касается специфических для зарубежных закупок чая условий, то они также безвозвратно исчезли, следовательно, надежд на то, что в ближайшем обозримом будущем положение исправится и мы сможем получать хороший чай, крайне мало.

Что же это за особые, специфические условия, которые существовали прежде в чаеснабжении и которых мы ныне лишились, хотя ранее о них рядовой потребитель даже и не думал, как не думает о том, что он дышит воздухом, который не покупает?

Дело в том, что нынешние частные коммерческие фирмы, завозящие чай в Россию, не могут обеспечивать страну хорошим чаем. Во-первых, им это невыгодно, а во-вторых, они этого делать просто не в состоянии. Каждая такая фирма и фирмочка закупает чай не у чаепроизводителей, как это делали государственные организации в СССР при монополии внешней торговли, а у зарубежных (восточных или западных – всё равно) оптовиков и потому платят значительно дороже за худший чай.

Почему обязательно худший? А потому, что чай закупают не у чайных плантаторов, продающих урожай чая данного года, иногда даже предварительно, на корню, а у фирм-перекупщиков, продающих чай в уже расфасованном виде, быть может, пятилетней или даже десятилетней давности. Уже одно это, без наличия даже намеренной фальсификации, ведёт к получению низкокачественного продукта. Но это ещё не всё. Прежде при закупках заграничного чая большими, колоссальными партиями, как могло закупать только великое государство, все сделки происходили под правительственным контролем обеих сторон. В чайном деле такой контроль имел давнюю международную традицию и был обеспечен тем, что каждая партия

закупаемого чая проходила обязательную и тщательную титестерскую проверку. Это значит, что чай по мере поступления его с чайных фабрик на склады или транспорт для перевозки подвергали пробам особых специалистов – титестеров, которые строго выдерживали высокий стандарт требования к товару по всем показателям качества: свежесть, вкус, крепость, доброкачественность.

Частные торговые фирмы, не ориентированные специально на закупки чая, а торгующие всякой всячиной, не могут и не хотят содержать титестеров (жалованье государственных титестеров международного высшего класса доходит до 400- 470 тыс. долларов в год). Да и при закупках расфасованного чая у иностранных оптовых фирм, а не непосредственно на чаефабриках или плантациях, титестерской проверки не производят, ибо невозможно вскрывать все пачки с чаем. Вот почему без восстановления централизованных закупок импортного чая мы практически никогда не сможем получать массовый хороший чай.

Таким образом, ныне качество и само существование обоих главных русских национальных напитков – и чая, и водки – оказались в одинаковой степени под угрозой гибели, и их судьба – лишь зеркальное отражение тех трудностей, которые переживает вся наша страна, весь народ, вся русская история. Их дальнейшая судьба во многом будет сходна с судьбой России. Вот почему знание их места в истории русского народа и культуры употребления не просто необходимо для каждого сознательного гражданина России, но и чрезвычайно актуально именно теперь, когда на карту поставлено будущее этих национальных напитков, как символов русских национальных традиций и культуры.

Угроза водке идёт со стороны массы низкопробного, низкокачественного алкоголя, наводнившего за последние годы нашу страну: это и разные импортные псевдоводки западного и неизвестно какого происхождения, это и креплённые искусственные вина типа вермутов и «Солнцедаров» «кавказского» розлива, это и различные алкогольные смеси вроде коктейлей и это, наконец, отечественные самогонные напитки, равнозначные порой прямо отраве, не отличающейся по своей вредности от неочищенного, технического спирта, поступающего к нам из-за рубежа тоннами под красивыми этикетками спирта «Ройял» и несущего не просто повальное пьянство, но и самую обыкновенную и быструю смерть.

Только ликвидация безразличия и всеядности в вопросах, касающихся потребления алкогольных напитков в нашей стране, только просветительная работа в этой области, распространение знаний об алкогольных напитках в сочетании с

патриотической позицией могут исправить положение как с экономической, так и с нравственной точки зрения.

Путь к трезвой России лежит не через запрет водки, а через подъём её качества, которое исторически сложилось так, что является выше качества всех других алкогольных крепких напитков в мире. И знать это должен в России каждый. Только таким путём можно идти к культуре потребления алкогольных напитков, предполагающей умеренное функциональное (т.е. только в связи с едой) использование высококачественной отечественной водки и отказ от всех её суррогатов и псевдозаменителей.

То же самое относится и к чаю. Здесь просветительная работа, распространение знаний о чае и культуре его применения отнюдь не менее важны и актуальны именно в наше время. Чаю ныне угрожают не только экономические беды, исключение России из числа чаепроизводящих держав и наводнение страны низкосортными, фальсифицированными чаями, с которыми потребитель не знаком и не может в них разобраться.

Чаю угрожает ещё и нахлынувшая за последние годы лавина иностранных прохладительных напитков искусственного и синтетического, а не натурального происхождения, к которым молодые, новые поколения не имеют иммунитета. Это различные воды – крашенные, «фруктовые», на базе ароматических альдегидов, эссенций и отчасти концентратов фруктовых соков, а также синтетические американские напитки пепси-кола и кока-кола.

Их настойчиво внедряют ныне в народ оборотистые коммерсанты, и на них клюют малообразованные или простоватые либо просто денежные люди, привлекаемые занятной, красивой иностранной этикеткой, необычной формой тары, яркостью цвета напитка (как обычно – искусственной химической), а также отсутствием иного альтернативного безалкогольного утолителя жажды. Употребляют такие напитки, как правило, молодежь и люди неустроенные, бессемейные, лишённые постоянного жилья или пребывающие в пути, временно приехавшие в чужой город и тому подобная «перемещающаяся» публика, которой у нас становится в стране всё больше и больше.

И эта тенденция опасна: люди теряют не только стабильность положения, но вместе с её утратой меняют коренным образом свои привычки, так что отказываются от национальных и семейных традиций, становятся по своему духу, быту и питанию безродными, а в результате теряют себя в полном смысле этого слова, т.е. теряют своё здоровье, употребляя холодные напитки в качестве привычного сопровождения пищи, что вызывает, особенно в наших условиях, гастрит, колит, язвы желудка и кишечника.

Люди забывают, что в Москве, Петербурге, Ярославле или Вологде, а тем более в Красноярске, где не только зима и осень, но и весна совсем не похожи на флоридскую, парижскую или даже нью-йоркскую (в штате Нью-Йорк растет виноград!), русскому человеку нельзя отказываться от систематического употребления крепкого горячего чая, если он только хочет сохранить своё здоровье и работоспособность.

Напитки, как показывает всё историческое развитие, играют в жизни людей великую роль. Они могут приносить человеку либо великий вред, либо великую пользу, и поэтому знать их, разбираться в них и правильно применять в соответствии со сложившимися историческими традициями, национальным опытом и национальными природными условиями крайне важно и крайне обязательно.

Если мы не хотим утратить свой национальный характер, свою национальную самобытность и своё национальное достоинство, мы не должны позволить временным обстоятельствам заставлять нас отказываться от национальных напитков, необходимых нам для нормальной жизни в своей стране. Мы не должны позволять снижать их качество. Мы должны оберегать и отстаивать их как часть нашей государственной исторической и национальной сущности. Мы уже многое потеряли в эти годы перестроечно-реформаторской Смуты. Многие потеряли родину, многие – дом, покой, близких, уверенность в жизни. И почти все потеряли достигнутый экономический уровень. Больше терять, кажется, уже нечего. Больше терять просто уже ничего нельзя. И если мы, склонившись под давлением навалившихся передряг, махнем теперь на всё рукой и легко откажемся ещё и от того, что составляет часть нашей национальной особенности и сущности, то нам, поверьте, придет конец.

Предлагая ныне русскому читателю и всем коренным россиянам книги(>>, >>) о двух напитках, распространённых в России и ставших неотъемлемой частью российской истории и быта, мы надеемся, что они помогут вам расширить свой кругозор и обрести правильные представления о тесной связи бытовой истории нашей страны с политической. Забывая о существовании такой связи, мы легко можем утратить наш национальный, своеобразный профиль, без которого, пожалуй, потеряем и наше национальное, русское лицо.